

О МАРКСИЗМЕ, ЕГО ФИЛОСОФИИ И ОДНОМ ИЗ ЕЕ ВОЗМОЖНОМ БУДУЩЕМ

В. И. Чуешов

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская 17, 220007, г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: tchoue@mail.ru

Рассматривается судьба мировоззренческого наследия К. Маркса, его структура, особенности философского содержания, а также логико-диалектические перспективы развития в современных условиях.

Ключевые слова: К. Маркс; мировоззрение; философия К. Маркса; неформальная логика; диалогика; аргументология.

ABOUT MARXISM, HIS PHILOSOPHY AND ONE OF HER POSSIBLE FUTURE

V. Tchouechov

Academy of public administration
under the aegis of the President of the Republic of Belarus,
Moskovskay str. 17, 220007, Minsk, Republic of Belarus
E-mail: tchoue@mail.ru

The article deals with K. Marx world-view, its structure, as well as philosophy, and its logics and dialectics perspectives development.

Keywords: K. Marx; world-view; Marx's philosophy; informal logic; dialectics; argumentology.

Нынешнее 200-летие со дня рождения К. Маркса у нас станет, по-видимому, вполне обычным социально-культурным событием, к которому в основном будут приурочены научные конференции философов, политэкономов, и, может быть, политологов. Пройдут они, скорее, во вполне академической атмосфере.

Сегодня уже почти невозможно представить себе атмосферу, царившую в советское время, начиная с 1-го мая 1918 г., когда в Москве на демонстрации, посвященной празднику труда на автомобиле Союза металлистов под звуки духового оркестра по Красной площади величественно проплывал огромный портрет К. Маркса. Напоминавший икону, портрет как бы внедрял в сознание участников демонстрации представление о значимости, приближающейся через четыре дня 100-летней годовщины со дня рождения К. Маркса. В то время масштаб личности и гения Маркса был безусловен для стоявших на трибуне В. И. Ленина и его соратников, а от них представления об этом передавались также и рядовым участникам демонстрации, проявлявших солидарность со своими вождями в том, что Маркс воистину величайший

мыслитель-интернационалист и революционер, заслуживающий всенародного преклонения.

На протяжении более чем семидесятилетней советской истории, формировавшееся на заре советской власти почти культовое отношение к К. Марксу всемерно поддерживалось коммунистической партией и советским государством. Одно из его свидетельств, принятое к 150-летию со дня рождения К. Маркса Постановление ЦК КПСС от 18 мая 1967 г.

В этом документе строго предписывалось «провести юбилей 150-летия со дня рождения К. Маркса как выдающееся событие в жизни нашей партии и всего международного коммунистического и рабочего движения, как триумф учения марксизма-ленинизма, осуществления идеалов рабочего класса, идей пролетарского, социалистического интернационализма» [3].

Непосредственно постановление было адресовано партийным организациям всех союзных советских республик, включая БССР.

В нем скрупулезно перечислялись, призванные укреплять авторитет К.Маркса и марксизма следующие мероприятия: публикация соответствующей юбилейной литературы, организация разнообразных научных и научно-практических конференций, семинаров, подготовка полной экспозиции музея К. Маркса и Ф. Энгельса, выпуск научно-популярного фильма о жизни и деятельности К. Маркса, оказание содействия «Дому Маркса» в Лондоне и пр.

Опосредованно и косвенно в этом документе все же был представлен и иной по отношению к марксизму, и гораздо лучше понятный сегодня не столь радужный международный, идейный и политический подтекст.

Он отражал реалии международного коммунистического и рабочего движения шестидесятых-семидесятых годов прошлого века, факты заметного расшатывания с разных сторон ранее бесспорного авторитета учения К. Маркса. Были ими как многочисленные дискуссии об аутентичном содержании марксизма в международном коммунистическом движении, так и практические действия в разных странах существовавшей мировой системы социализма, демонстрировавшие сомнения и вопросы о правильности, реализуемого в них курса социалистического строительства.

Идейный подтекст многих из них был связан с переоценкой ценности политической одно партийности, масштабов государственного принуждения.

В отличие от острых идейных дискуссий о принципиальных различиях, например, мировоззрения раннего и зрелого Маркса, наследия Маркса, с одной стороны, и Ф. Энгельса, В. И. Ленина и др. марксистов, с другой стороны, о связи марксизма с гуманизмом, демократией и т.п., практические сомнения в ценности марксизма академическими, конечно, не были.

Об их характере свидетельствовали известные события июня 1956 г. в Польше, октября-ноября 1956 г. в Венгрии, а также августа 1968 г. в

Чехословакии и марта 1969 г. на границе СССР. Все они протекали в виде открытого физического противостояния сторонников разного истолкования практики и теории марксизма, сопровождались человеческими жертвами, а нередко и военными столкновениями.

Эти события не способствовали укреплению нравственного авторитета марксизма, который подвергался сомнению также и сферах культуры, художественной литературы. Например, после публикаций на Западе, запрещенных в СССР произведений А. И. Соженицина («В круге первом», «Раковый корпус»), присуждения ему в 1970 г. Нобелевской премии в области литературы. Солженицинский «Архипелаг ГУЛАГ», по-видимому, заметно поспособствовал утрате марксизмом нравственного авторитета у той части западной гуманитарной интеллигенции, которая после майских выступлений студентов в Париже в 1968 г. его укрепляла, и ввела по требованию студентов имя и работы К. Маркса в учебное пространство университетов Франции, Германии, других западноевропейских странах.

Парадоксально, но факт, почти триумфальное вхождение Маркса и марксизма в образовательное пространство Западной Европы и его интенсивное теоретическое развитие в социалистических странах, международном коммунистическом и рабочем движении (сошлемся в скобках в этой связи на имена широко известных в марксистских кругах того времени Гальвано делла Вольпе, Л. Альтюссера, А. Зиновьева, Э. Ильенкова и др.) во время 150-летнего юбилея со дня рождения Маркса аккомпанировалось определенным расшатыванием нравственного авторитета марксизма на практике и поисками направлений его укрепления через гуманизацию и демократизацию.

Серьезным барьером на пути этих процессов в то время был официальный институциональный приоритет марксизма в странах социализма, руководимых коммунистическими и рабочими партиями. Он, однако, оказывал как авторитету Маркса и марксизма, так и развитию его теории в новых исторических условиях, по меньшей мере, в СССР, также и медвежью услугу.

Существовавшая в СССР жесткая институциональная связь марксизма с политической системой общества, его образовательной и научной средой оказалась для судеб марксизма в условиях деформации устоев советской власти, чуть ли не решающей. Если на это только намекали советские дискуссии о марксизме 90-ых годов о том, что «Иного не дано» или «Не могу поступиться принципами», то процессы утраты былой мощи и крушения СССР подорвали институциональный авторитет марксизма окончательно.

Сегодня раскрывая причины и условия крушения СССР чаще обращают внимание на известные социально-экономические (высокое бремя военных расходов, падение цен на нефть и др.) политико-правовые (отмену 6-ой статьи советской конституции о руководящей и

направляющей силе Коммунистической партии) обстоятельства. В тени при этом неоправданно оставляют кажущиеся второстепенными на первый взгляд разнообразные субъективные обстоятельства. Со своей стороны, укажем среди них, например, на кончину в 1982 г. ведущего идеолога СССР М. А. Суслова, еще И. В. Сталиным (в отличие от Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко) специально подготовленного на роль хранителя идейного авторитета марксизма, который не оставил после себя преемника, принятые в 1989 г. изменения нормативной базы советской избирательной системы, отсутствие у первого президента СССР воли и желания бороться за его сохранение, как, впрочем, и многие другие, еще ожидающие своего внимания.

Разнообразные социально-экономические, политико-правовые, субъективные причины и обстоятельства развала СССР в его союзных республиках действовали по-разному. Однако везде в них они были процессами их социально-политической трансформации в де юре суверенные и независимые государства.

Возникшие на политической карте мира постсоветские национально-государственные образования, самостоятельно должны были решать неизвестные в советское время экономические, социальные, политические и духовные проблемы государственного строительства и управления, самостоятельно определяться и по отношению к бывшему советскому наследию, а, следовательно, и к марксизму, как его идеологической, а также мировоззренческой и методологической платформе.

Представляется, что стартовавшие еще в прошлом веке поиски новых идейных платформ для постсоветского государственного строительства сегодня, по крайней мере, в некоторых новых субъектах международного права и геополитики все еще не являются завершенными и протекают в них по-разному.

В самом деле, в одних из них уже набирает высоту барьер на путях распространения, захлестывавших на первых порах постсоветского государственного строительства уродливых нравственных ориентаций, которые оправдывали практику первоначального грабительского накопления капитала, исторически убедительно развенчанную еще марксизмом.

В других запущены процессы реанимации поисков аутентичной национальной этнической идентичности, казалось бы уже снятой с повестки дня в советское время с помощью концепции советского народа, а также жестких, а во многих случаях неоправданных и жестоких действий аппарата государственного принуждения.

В третьих задачи по декриминализации постсоветского общественного сознания ориентированы на выработку новых идеологических ориентиров государственного строительства, переосмысление путей развития современного социогуманитарного

образования и науки, уточнения места и роли религиозного фактора в жизни государства и общества и др.

Следовательно, в одних субъектах постсоветского государственного управления, усвоенный их руководством еще в советское время марксизм отчасти используется в качестве мировоззрения и методологии. В других уже сознательно отказываются от него, реанимируя архаичные философские и этнонациональные проекты, институционально поддерживая и развивая религиозную и мифологическую традицию. В третьих, используя наработки как марксизма, так и современной немарксистской мировой социогуманитарной науки, по сути дела решают задачи дальнейшего развития и переосмысления ценности самого марксизма.

Можно сказать, что после того, как в конце прошлого века марксизм на постсоветском пространстве *de jure* утратил статус приоритетного научного, воспитательного и идеологического ориентира жизни государства и общества, де факто на нем он оказался одним из более или менее влиятельных, порицаемых или поддерживаемых направлений идеологической и социогуманитарной мысли. Однако, в любом случае таким идейным направлением, которое только в дискуссиях и конкуренции с другими направлениями идеологической и социогуманитарной мысли может сохранять старый или завоевывать новый интеллектуальный авторитет. Очевидно, что сегодня на постсоветском пространстве будущее марксизма уже окончательно отделено от его институционального ресурса и прямо связано с интеллектуальной привлекательностью и честностью, истинностью, доказательностью и инновационностью этого учения и его составных частей.

Последний тезис трудно переоценить, т.к. и сегодня марксизм, как, впрочем, и любая другая мировоззренческая и методологическая парадигма является дисциплинарно организованным учением. Если об известных в советское время марксистских социологии, психологии, истории и т.п., и т.д., сегодня уже почти перестали говорить, то ленинский канон марксизма, как учения (парадигмы), совокупности трех внутренне единых и связанных между собой составных частей, или дисциплин: философии, политической экономии и научного социализма все еще пользуется широким признанием.

Рассмотрим далее чуть подробнее его смысл на примере философской составляющей марксизма.

По мнению Ленина, ее существование бесспорно, и по содержанию философия марксизма внутренне едина, «вылита из одного куска стали», и в ней «нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи» [4, с.312]. Как диалектический материализм, философия марксизма для Ленина и его последователей была основой не только

марксистской политической экономии, научного социализма, но и всех других социогуманитарных дисциплин.

По представлениям Ленина, диалектический материализм был принципиально несовместим с субъективным и объективным идеализмом, отрицанием диалектики, механистическим материализмом и т.п., был атеизмом и ориентировался на тесный союз с конкретными науками.

Вместе с тем у этого взгляда, среди соратников Ленина по политической партии были оппоненты. Например, родившийся на территории Гродненской губернии А. А. Богданов, согласно которому ядром парадигмы марксизма были политическая экономия и научный социализм, и философия в ней была открытым и до конца не выявленным проектом.

Опираясь, как и многие другие читатели К. Маркса, на его букву, А. А. Богданов ратовал за соединение философии марксизма, с одной стороны, с принципами учения Э. Маха, в частности, экономии мышления, взятом также на методологическое вооружение и в такой разновидности экономической науки, как экономикс (А. Маршалл), а, с другой стороны, также и собственного эмпириомонизма как философского мировоззрения и методологии коммунизма («Красная звезда»).

Важно обратить внимание на то, что как ленинские, так и богдановские представления о сути философии К. Маркса, действительно, опирались на ее букву. В них, однако, отражался не столько известный факт, что сам К. Маркс не писал работ с названием «философия», если не считать, конечно, его докторской диссертации, посвященной различиям между *натурфилософиями* Демокрита и Эпикура. Дело заключалось несколько в ином. По мнению самого Маркса и его соратника Энгельса в марксизме «из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах – формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории» [7].

Именно эта мысль вдохновляла Богданова разрабатывать марксизм на путях его дополнения эмпириомонизмом, а В. И. Ленина интерпретировать его философский смысл в качестве диалектического материализма, при том, что последний «не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками» [3]. На некоторую формально-логическую шероховатость рассуждений Ленина, в советской литературе обычно не обращали пристального внимания. Наоборот, в западной литературе внимание к ней не было редкостью. Для иллюстрации возьмем сегодня почти наугад, например, мнение одного из авторитетов франкфуртской школы Г. Маркузе, писавшего о том, что «даже ранние сочинения Маркса не являются философскими. В них содержится отрицание философии, хотя и выраженное философским языком». [4, с 332], а также точку зрения французских марксистов Л. Альтюссера и Э. Балибара, аргументировавших в работе «Читать «Капитал», что

марксизм является не столько философией, сколько новой общей наукой, образцом которой и являлся марксов «Капитал». По их мнению, идеологическое содержание последнего не может не быть хорошо понятным рабочему классу, являющемуся объектом капиталистической эксплуатации. Что же касается подлинного значения политической экономии Маркса, как общей науки, то оно раскрывается как историческим материализмом как наукой об обществе, так и диалектическим материализмом, как науке о методах научного познания.

Оставляя далее в стороне другие мнения и аргументы о наличии(отсутствии) в марксизме собственной философской составляющей, для устранения их разночтений используем реконструкцию феноменологии марксовых (энгельсовских) оценок качественной определенности марксистской парадигмы и ее философской составляющей, а также советских и постсоветских истолкований возможностей дальнейшего развития философии марксизма в качестве формальной логики и диалектики.

Реконструкция марксовой феноменологии собственного мировоззрения, свидетельствует, что сначала К. Маркс именовал собственную парадигму «последовательно проведенным натурализмом, или гуманизмом» («Экономическо-философские рукописи 1844 г.»). Далее, и в соавторстве с Ф. Энгельсом, характеризуя собственную идейную позицию, он использует такие уточняющие определения, как «реальный гуманизм», а также материализм, совпадающий с гуманизмом в *теоретическом отношении*, а с коммунизмом в *практическом отношении* («Святое семейство»).

В знаменитых тезисах к Фейербаху К. Маркс именуется собственное мировоззрение «новый материализм» («Тезисы о Фейербахе»), как бы, добавим от себя, намекая читателю на возможность новой философии, поскольку старый материализм как философия, как доказывал Гегель, был идейно невозможен.

В написанной совместно с Ф. Энгельсом рукописи, получившей впоследствии редакционное название «Немецкая идеология», Маркс, не используя данного термина, собственную мировоззренческую позицию истолковывает, как *материалистическое понимание истории*.

В знаменитом «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс называют свое учение, *взятыми в их научном выражении интересами пролетариата*.

Очевидно, что специально не используя применительно к собственному учению понятия «философия», но четко различая старую и новую философию, К. Маркс все же склонялся к возможности реализации в собственных трудах нового, отличного от гегелевско-фейербаховского, и, по существу уже неклассического проекта философии, т.е. философии в новом смысле слова.

Именно эту философию основоположниками марксизма называли на ранних этапах своего творчества материализмом (материализмом новым, гуманистическим), а также материалистическим пониманием истории и материалистической диалектикой.

Выражение «материалистическое понимание истории» с легкой руки Ф.Энгельса позже стало синонимом понятия «исторический материализм», а реализованная в марксовом «Капитале» материалистическая диалектика, по словам его автора, а впоследствии, например, Г.В.Плеханова и др. получила название «диалектический материализм». С этой точки зрения, использовавшееся в СССР обозначение философской позиции марксизма как диалектического и исторического материализма было вполне обоснованным.

Другое дело, что в советское время развитие этой философии не всегда сопрягалось с осмыслением реальных проблем империализма, государственно-монополистического капитализма, социализма как общественной формации и постиндустриализма как цивилизации, а также разнообразных проблем строительства советского государства. С этой точки зрения развитие диалектического и исторического материализма в наши дни уместно сопрягается с осмыслением проблем глобализации (И.Валлерстайн), и должно увязываться с осмыслением сути интеграции, а также информационного общества, цифровой экономики.

Сегодня также не только для самого марксизма, но и постсоветского государственного строительства небезынтересными являются и марксистские исследования развития формальной логики, искусственного интеллекта, новой диалектики познания (Bigdata), а также философии диалога и аргументации, или аргументологии.

Последние из перечисленных направлений развития марксизма в формальной логике и диалогике в советское время оказались не вполне востребованными научным сообществом и государством. Они были ориентированы скорее на создание многотомных работ по марксистской диалектике как логике и теории познания, системе категорий диалектического материализма, т.е. таких работ, которые сегодня оказались почти невостребованными в силу неясного статуса их дисциплинарной определенности.

В наши дни дискуссии об особенностях философского багажа и системы марксизма в целом уже утратили былую советскую институциональную остроту. В Основном законе Республики Беларусь, например, представлена норма, запрещающая монополию идеологий «политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп».

Неудивительно, что еще в конце прошлого века в образовательном пространстве отечественной высшей школы канули в лету государственные экзамены по марксизму-ленинизму, соответствующие учебные программы и названия дисциплин.

В Беларуси сегодня преподается философия, экономическая теория, а также такие другие социогуманитарные дисциплины, как история, социология, политология, педагогика и психология, основы идеологии белорусского государства. В отечественном образовательном пространстве невостребованными оказались марксистская политическая экономия, призванная давать ответы на вопросы о том, «как государства богатеют» (А. С. Пушкин) и «Почему одни страны богатые, а другие бедные?» (Д. Аджемоглы, Д. Робинсон), которая сначала была содержательно трансформирована в западную экономикс, а сегодня преподается, как экономическая теория, а также научный коммунизм. В постсоветское время последний сначала был содержательно растворен в институционально закрепленном конгломерате социально-политического знания, а затем был подвергнут отрицанию и, по меньшей мере, частичному восстановлению в учебных курсах политологии, социологии и других социогуманитарных дисциплин. В постсоветском образовательном и научном контексте идеи и имена К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина уже не определяют социально-гуманитарный мейнстрим, а их портреты уже не всегда уверенно идентифицируются молодым поколением, несмотря на то, что и сегодня нам о них напоминают названия центральных улиц нашей столицы.

В заключении, не касаясь специально судеб философии марксизма как диалектического и исторического материализма, чуть подробнее рассмотрим феноменологию советских и постсоветских дискуссий о марксизме как формальной логике и диалектике. Оставляя в стороне развитие в наши дни формальной логики как современного языка логического программирования и искусственного интеллекта, подчеркнем, что в многотомных советских систематизациях категорий материалистической диалектики обычно оставалась в тени природа логики неформальной и ее союза с формальной логикой, а также диалектикой диалога.

Вместе с тем, именно белые пятна в марксистской философии диалога были заметными даже неспециалистам в советское время, и в девяностых годах прошлого века, например, во время аварии на Чернобыльской АЭС.

Процесс распада СССР также сопровождался и другими антиподами диалектики диалога: физическим насилием, вооруженными столкновениями, демонстрацией военной силы в виде ввода танков в столицу СССР 19 августа 1991 г. и пр. Сошлемся в этом ряду на события в Нагорном Карабахе и Приднестровье, расстрел Белого дома, чеченские войны и т.д., красноречиво свидетельствовавшие о востребованности и практической актуальности на постсоветском пространстве именно диалектики диалога и аргументации.

Вместе с тем, идеи диалектики диалога и аргументации не были абсолютно новыми для классической философии, начиная с Аристотеля.

В Новое время серьезный вклад в их развитие в немецкой философии внесли Г. Лейбниц, один из основоположников современной математической формальной логики, о чем, судя по всему, К. Маркс и Ф.Энгельс почти ничего не знали, а также И. Кант. Последний называл логику «наукой о правильном применении рассудка и разума вообще», подразделяя ее на *аналитику* – учение о формальных критериях истины и *диалектику*, в которой изучаются закономерности мышления, не согласующееся с формальными критериями истины. Логика как диалектика его последователем и критиком Гегелем уже интерпретировалась, как спекулятивная (положительно-диалектическая) логика и подразделялась на три части: учение о бытии, учение о сущности, учение о понятии и идее.

Принципами гегелевской положительно-диалектической логики были восхождение от абстрактного к конкретному (единству абстракций), единство исторического и логического, а также противоположностей, качества и количества, отрицание отрицания, и тождество мышления и бытия. С материалистического переосмысления последнего начинал разработку собственной диалектической логики как методологии познания К.Маркс в «Капитале» (1867).

Аутентичные марксовы во многом эскизные представления о диалектике как логике были впоследствии систематизированы Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге», а также разъяснены В. И. Лениным в «Философских тетрадах», «Еще раз о профсоюзах» (1921). В них марксистская диалектическая логика была представлена, как альтернатива не только софистики и эклектики в диалоге, но, к сожалению, и «формальной схоластической логике», мировоззренческо-методологическая ориентация ее пользователя на объективность и всесторонность рассмотрения предмета, историзм, конкретность истины.

В позднее советское и раннее постсоветское время в отечественной литературе основными стали, по меньшей мере, три представления о возможных путях дальнейшего развития философии марксизма как диалектической логики. Сторонник первого направления Э.В.Ильенков, исходил из того, что диалектическая логика есть «не только всеобщая схема деятельности, творчески преобразующей природу, но одновременно и *всеобщая схема изменения любого естественно-природного и социально-исторического материала* (выд. мною. –В.Ч.), в котором эта деятельность выполняется и объективными требованиями которого она связана» [2, с. 8–9].

Также в советское время представители второго направления, не менее авторитетные советские философы А.Ф.Лосев и А.Г.Спиркин, исходили из того, что «будучи логикой мышления, диалектика отвлекается от конкретного содержания мыслей, и в этом отношении она является “формальной наукой”, однако существенно отличающейся от формальной логики, диалектическая логика находится в сложном

отношении с формальной логикой... формальная логика подчинена принципам диалектики как своему философско-методологическому основанию» [5, с.157].

В постсоветский период была оформлена и третья оценка перспектив марксистской диалектической логики, уже как философской теории, пытавшейся «выявить, систематизировать и обосновать в качестве универсальных основные особенности мышления коллективистского общества (средневекового феодального общества, тоталитарного общества и др.)», логики, отражавшей «сочетание коллективистской твердости ума с его софистической гибкостью». По мнению ее представителей А.А.Ивина и А.Л.Никифорова, «ученому, заботящемуся о точности в передаче фактов, такая методология, ориентированная не на конкретное изучение, а лишь на прослеживание на эмпирическом материале общих и не зависящих от него схем, кажется не просто неудовлетворительной, но преднамеренно и отталкивающе ложной» [1, с. 83-84,87].

Реконструируя аргументы советской и постсоветской феноменологии марксистской диалектической логики, от себя подчеркнем следующее. Сегодня нельзя доказательно утверждать, что марксова диалектическая логика политэкономического анализа является единственно научной логикой, или, наоборот, что она бесполезная и вредная философская теория, а также является единственным философским основанием формальной логики. Во-первых, гораздо точнее оценивал данную логику сам К.Маркс, именуя ее «специфической логикой специфического предмета».

Во-вторых, в современных отечественных исследованиях природы неформальной логики уже показано, что марксову специфическую логику специфического предмета корректнее будет называть одной из социально-исторических *топик* мышления, которая не должна противоречить формальной логике и является частью современной неформальной логики. В неформальную логику в наши дни также входят и информальная логика (неформальное дополнение инструментария формальной логики), а также аргументологическая диалектика как философская наука о законе и правилах аргументации и диалога. С этой точки зрения дальнейшее изучение в соответствии с духом марксизма социально-исторических топик мышления, современного инструментария информальной логики, а также закона и правил аргументологической диалектики [8] является актуальной задачей развития современной философии, в том числе и в ее марксистском измерении.

Библиографические ссылки

1. Ивин, А. А., Никифоров, А. Л. Словарь по логике / А.А.Ивин, А.Л.Никифоров. – М.: Владос,1997. – 384 с..
2. Ильенков, Э. В. Диалектическая логика / Э.В.Ильенков. – М.: Политиздат,1984. – 320 с.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. –Т.11. – М.: Из-во политической литературы, 1986. – 572 с.
4. Ленин, В.И. Карл Маркс / В.И.Ленин [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.marxists.org/russkij/lenin/works/lenin008.htm>. – Дата доступа: 30.03.2018.
5. Лосев, А. Ф. Спиркин, А. Г. Диалектика / А.Ф.Лосев, А.Г.Спиркин // Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – С.157.
6. Маркузе, Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории / Г.Маркузе. – СПб. «Владимир Даль», 2000. – 541 с.
7. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом / Ф.Энгельс [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001015/st000.shtml>). – Дата доступа: 30.03.2018.
8. Tchouechov, V. Theory of argumentation: the argumentological twist is necessary / V.I.Tchouechov // Proceedings of the Eighth ISSA Conference. Eds. by B.Garssen, D.Godden, G.Mitchell, F. Snoeck Henkemans. – Amsterdam: University of Amsterdam, Rozenberg Publishers, 2014. – [Electronic resource]. Mode of access: <http://rozenbergquarterly.com/issa-proceedings-2014>. – Date of access: 30.03.2018.